

Линь Ань мысленно возвел очи горе. Когда это существо успело стать таким бесстыдным? Раньше, стоило ему промолчать, как тот покорно уходил, а теперь его и метлой не выгонишь. Линь Ань постепенно охладел лицом, и в его голосе больше не было прежней мягкости:

— Если с Вашим Величеством здесь что-то случится, я не смогу взять на себя ответственность.

Ци Цзиншэн, заметив, что Линь Ань, кажется, рассердился, поспешно присмирел, однако в его глазах промелькнула тень разочарования:

— Я ухожу, не сердись. Отдыхай, если что-то понадобится — прикажи позвать меня.

— М-м, — сухо отозвался Линь Ань и закрыл глаза, больше не глядя на него.

Разве в книгах не было сказано, что это должно сработать? Почему он снова разозлил Мо-эра? Эх! Ци Цзиншэн вздохнул, поправил одеяло на Линь Ане и тихо вышел.

Время летело незаметно, и вот пролетело полмесяца. Император Цзинсюань продержал Линь Аня в постели целых две недели — тот уже был готов покрыться плесенью. В этот день, увидев, что на улице светит яркое солнце, он решил прогуляться: с тех пор как он попал в этот мир, он еще ни разу не выбирался из дворца.

Позвав Цяньюй, он тщательно принарядился. Служанка, опасаясь, что он простудится, накинула ему на плечи плащ. Неизвестно, где она его раздобыла, но ярко-красная накидка, окутывающая плечи Линь Аня, добавила его холодному лицу немного тепла, словно небожитель, по ошибке заглянувший в мир смертных и очаровавший множество простых людей.

Стоял сентябрь, воздух начал заметно холодать. Едва Линь Ань переступил порог, как его обдало прохладным осенним ветром, но, к счастью, Цяньюй предусмотрительно добавила лишний слой одежды, так что он не почувствовал холода. Купаясь в теплых лучах солнца, Линь Ань довольно прищурился, но, открыв глаза, вновь обрел прежнюю ясность.

— Идемте, — бросил он свите.

В сопровождении целой толпы евнухов и служанок Линь Ань неспешно зашагал по мощеной дорожке за пределами дворца Юньхуа в сторону Императорского сада. Все эти люди были приставлены к нему императором под предлогом заботы. Каждый раз, видя, как вокруг него суетится такая орава, Линь Ань не мог сдержать раздражения. Впрочем, раз уж он вышел в свет, такая свита была весьма кстати для солидности.

Хотя наступила осень, в Императорском саду не было и намека на увядание. Куда ни глянь — повсюду хризантемы, безраздельно властвующие в это время года. Разнообразие сортов и красок напоминало весеннее цветение, вызывая желание любоваться ими бесконечно. Однако,

глядя на такое обилие хризантем, Линь Ань почувствовал странный укол в душе и невольно вспомнил своего возлюбленного. Вспомнив, как они неразлучно проводили время в прошлом мире, он лишь тяжело вздохнул: «Дорогой, где ты? Я так скучаю».

Пройдя еще немного, он услышал доносившийся неподалеку смех. Спросив у Цяньюй, он узнал, что наложницы устроили пир в честь цветения хризантем. Изначально все они были под домашним арестом, но после выздоровления Линь Аня император не мог держать их взаперти вечно и выпустил на свободу. Кто бы мог подумать, что у них хватит духу устраивать такие празднества? Выход Линь Аня оказался весьма удачным по времени.

Он не спеша направился в ту сторону. Перед ним предстал настоящий цветник из прекрасных дам и нежных шуан-эр. Линь Ань про себя усмехнулся: поистине, император — везунчик, хотя внутри у него шевельнулось неприятное чувство.

В толпе кто-то заметил Линь Аня, и вскоре все взгляды устремились к нему. Под перекрестным огнем глаз Линь Ань невозмутимо подошел к свободному месту. Его слуги поспешили протереть стол и стулья, постелили подушки. Как только Линь Ань сел, перед ним тут же появились изысканные лакомства и горячий чай, после чего свита отошла назад. Все это время Линь Ань не проронил ни слова, спокойно наблюдая за пейзажем и игнорируя завистливые взгляды. Наложницы скрипели зубами от злости, но ничего не могли с ним поделать.

В этот момент заговорила женщина на главном месте. Ее голос звучал мягко и вкрадчиво, отчего сердце могло растаять:

— Братец Юнь, с чего это ты сегодня решил выйти полюбоваться хризантемами?

Линь Ань взглянул на нее. Должно быть, это и есть главная героиня оригинального сюжета. Выглядит действительно неплохо, довольно соблазнительно. Но что за «братец Юнь»?! Подумав об этом, он стал еще холоднее:

— Не смей так меня называть.

Цзи Чэньси на мгновение смутилась, но быстро вернула улыбку:

— Чжаоюнь, как твоё здоровье? Слышала, ты тяжело болел, и император из-за этого запер нас всех. Полгода ты не выходил из дворца Юньхуа, мы так по тебе скучали, но никак не могли увидеть твой лик.

Это было явное подстрекательство! Но даже если его возненавидят, что с того? Ему это даже на руку. Линь Ань не собирался ей подыгрывать и холодно усмехнулся:

— Какое вам дело до того, как я себя чувствую?

— Ты!.. — Цзи Чэньси с момента появления Линь Аня потеряла спокойствие, а теперь, отбритая его резкими словами, вспыхнула от гнева. Ее лицо на миг исказилось, руки сжались в кулаки, она была готова убить его одним лишь взглядом.

Линь Ань усмехнулся: уровень выдержки у этой главной героини явно хромает. Впрочем, неудивительно — в прошлой жизни она была лишь тенью, а после перерождения ее слишком долго баловал император, так что ей не сравниться с теми, кто действительно постиг искусство дворцовых интриг. Он явно переоценил ее.

Не желая больше тратить на нее время, Линь Ань принялся за лакомства, наслаждаясь осенним видом. Наложницы, видя его непробиваемость, не осмелились подойти, и атмосфера в беседке мгновенно остыла. Линь Ань в одиночку разрушил весь праздник, а остальные могли лишь злиться, не смея высказать недовольство.

Цзи Чэньси, видя это, пришла в ярость. Она организовала этот пир, и такое поведение было для нее пощечиной. Она вспомнила, что раньше Чжаоюнь был лишь прикрытием, и император уже успел охладеть к нему — кто бы мог подумать, что он снова вернет его расположение? А теперь, судя по всему, он любит его даже больше, чем ее саму. Неужели все возвращается на круги своя, как в прошлой жизни? Нет! Нельзя! Она переродилась, чтобы стать императрицей! Если она потеряет любовь императора, неужели ей снова суждено прозябать в глубоком дворце и в конце концов стать жертвой обстоятельств? Нет... этого не будет! Она не хочет такой жизни. Обиды и страхи прошлой жизни выплеснулись наружу, в сердце зародилась тьма. Нужно просто избавиться от него... избавиться... Внезапно, заметив краем глаза приближающуюся желтую фигуру, она придумала план. Если в прошлый раз удалось вызвать у императора отвращение к нему, то получится и сейчас.

Скрыв ненависть, Цзи Чэньси подошла к Линь Аню с жалкой, горькой улыбкой:

— Чжаоюнь, я знаю, что ты ненавидишь меня за прошлое наказание. Если у тебя плохое настроение, выплесни его на меня, зачем же обижать других наложниц? Послушай моего совета: даже если император сейчас балует тебя, кто знает, что будет завтра? Если однажды он охладит к тебе, как охладил к нам, тебе будет нелегко выжить в этом дворце.

Она потянулась к рукаву Линь Аня, изображая искреннее беспокойство. Линь Ань, конечно, тоже заметил приближение императора и усмехнулся про себя: опять интриги. Что ж, раз ты хочешь пострадать, я с радостью помогу.

Сделав вид, что ему неприятны прикосновения, Линь Ань нахмурился и оттолкнул Цзи Чэньси. Движение казалось небрежным, но на самом деле он вложил в него силу. Цзи Чэньси пошатнулась и начала падать назад. В панике она ухватилась за Линь Аня, но тот, будто лишившись сил, позволил ей утянуть себя вниз.

Оба тяжело рухнули на каменные плиты. Линь Ань, оказавшись сверху, отделался легким испугом, а вот Цзи Чэньси пришлось несладко — ей показалось, что все кости в теле рассыпались, а человек сверху, несмотря на свою худобу, придавил ее так, что она едва могла дышать.

Со стороны казалось, что Чжаоюнь даже не сопротивлялся, а Чжао Чэнь сама упала, да еще и утянула его за собой, когда тот попытался помочь. Все невольно подумали, что Чжао Чэнь коварна, и те наложницы, что почти поверили ее словам, теперь смотрели на нее с опаской.

Пока все пребывали в замешательстве, а Линь Ань все еще не вставал, раздался ледяной голос:

— Что здесь происходит?

Следом за ним быстрыми шагами приблизилась ярко-желтая фигура. Наложницы поспешно склонились в поклоне, но император их проигнорировал. Он подошел к лежащим на земле, подхватил Чжаои Юня на руки, его лицо выражало тревогу и напряжение.

Ци Цзиншэн, глядя на бледное лицо Линь Аня и нахмуренные брови, был вне себя от беспокойства. Стоило ему отлучиться всего на полдня, как его Мо-эр снова пострадал. Не обращая внимания на остальных, он приказал Линь Аню вызвать лекаря и поспешно понес Линь Аня обратно в покои, оставив позади коленопреклоненную толпу и лежащую на земле несчастную Чжаои Чэнь.

Линь Ань, который только что вышел из постели после двухнедельного лежания, снова оказался прикован к кровати. Глядя на ложку с черной горькой жижей, которую с беспокойством подносил к его губам мужчина, он подумал, что сам виноват в своих бедах — лечение, которое он почти закончил, пришлось начинать сначала. Выпив лекарство, Линь Ань почувствовал непреодолимое желание умереть. Древние лекарства — это просто пытка, к тому же, чтобы не испортить их действие, нельзя было даже заесть их сладостями. Он без конца запивал горечь чаем, но она никак не проходила!

«Как же мило Мо-эр морщится, когда пьет лекарство, и как мило он пьет воду после этого», — думал про себя кто-то, скрыто наслаждаясь этой сценой. А когда он умоляюще смотрел на него, не желая пить — это было еще милее. Он ни за что не признается Мо-эру, что лекарь сказал, что лекарство можно было уже и не пить, ведь это просто укрепляющий отвар. Но раз уж Мо-эр такой худенький, ему не помешает подкрепиться.

Если бы Линь Ань знал, что из-за причуд Его Величества императора ему придется пить эту горечь еще несколько дней, интересно, что бы он подумал?

После этого случая Ци Цзиншэн внезапно осознал, что забыл восстановить статус Мо-эра. Он думал, что под его защитой Мо-эру ничего не грозит, но теперь понял, что в гареме все же нужен высокий статус.

«Если бы Мо-эр не был против, я бы сделал его своей императрицей», — Ци Цзиншэн покачал головой и вздохнул. В итоге он решил пойти на компромисс и издал указ о присвоении Чжаои Юню титула Хуангуйфэй.

Наложницы были в шоке. При пустующем троне императрицы Хуангуйфэй становилась первой дамой гарема, и, судя по поведению императора, титул императрицы был лишь вопросом

времени. Зависть смешивалась с безысходностью: если так пойдет и дальше, они окончательно превратятся в дворцовые украшения.

Цзи Чэньси, узнав новость, в ярости крушила вещи. Ее дела шли не лучшим образом — из-за того случая император разжаловал ее до Цайжэнь, и если бы не память о ее заслугах при спасении императора, она бы давно оказалась в Холодном дворце.

Она ненавидела, она не могла смириться. Почему Юнь Мо после опалы снова обрел милость? Почему император, который так любил ее, так легко переменялся? Все из-за него, все его вина! Юнь Мо! Цзи Чэньси была в безумии, но затем внезапно успокоилась, на ее лице появилась зловещая улыбка. Впрочем, какая разница, насколько он любим, если он не доживет до того, чтобы этим насладиться? Хорошо, что она оставила козырь в рукаве. Если болезненный Хуангуйфэй скоропостижно скончается, император не сможет никого винить, кроме его несчастливой судьбы...

А Линь Ань тем временем не догадывался, что его кто-то выслеживает, да если бы и знал — вряд ли бы придал значение. Его мучил один вопрос. Он повернул голову и посмотрел на Ци Цзиншэна, который заботливо подкладывал ему еду. Тот, словно почувствовав взгляд, посмотрел на него с нежной улыбкой:

— Что такое?

— Ничего, — Линь Ань покачал головой и отвернулся, невольно покусывая палочки. Почему он становится все больше похож на него? Он это или нет? Если нет, то почему изменил отношение и так балует его? Но если это все-таки он... Вспомнив пощечину, которую он отвесил при первой встрече, Линь Ань почувствовал укол совести. Может... попробовать?

Глядя на редкое замешательство Линь Аня, Ци Цзиншэн почувствовал, как внутри заскребли кошки — не больно, но сладко, до самого сердца. Он хотел было спросить, но увидел, что Линь Ань, приняв решение, обернулся и серьезно посмотрел на него. Ци Цзиншэн занервничал, а затем прекрасное лицо приблизилось, и он ощутил прохладное, мягкое прикосновение к своим губам. Ци Цзиншэн в изумлении расширил глаза: Мо-эр поцеловал его! Сам! Значит ли это, что он простил его?

Губы едва коснулись друг друга и тут же отстранились. Ци Цзиншэн еще не успел опомниться от радости, как заметил, что отношение Мо-эра стало еще холоднее, чем прежде, и в нем сквозило разочарование.

— Мо-эр, что случилось? — обеспокоенно спросил он. — Я что-то сделал не так? Я просто был так удивлен... не сердись.

— Я не сержусь, — Линь Ань был в плохом настроении, так как Система не подала сигнала. Неужели это не он? Может, нужно выйти из дворца и поискать? Но в море людей где найти своего возлюбленного? Или он вовсе не последовал за ним... Нет, он бы не оставил его одного. Он обязательно здесь, нужно просто искать. Но... Линь Ань со сложным чувством посмотрел на Ци Цзиншэна. Ему было жаль: император действительно влюбился, но, к сожалению, у него есть семья, так что он вынужден извиниться перед ним.

Решив все для себя, Линь Ань не хотел, чтобы Ци Цзиншэн продолжал питать иллюзии. Его голос прозвучал холодно, словно перед ним был незнакомец:

— Я устал, пойду отдохну. Считай, что ничего не было. У меня к тебе нет никаких чувств, не крутись больше рядом, ты меня раздражаешь.

Он развернулся и ушел, чувствуя невольную жалость при виде его растерянного лица.

Ци Цзиншэн застыл на месте. Он не понимал, почему после поцелуя Мо-эр стал еще холоднее. Даже если Мо-эр ненавидел его, до этого все было нормально. Где он ошибся?

Некоторое время Ци Цзиншэн не оставлял попыток, по-прежнему кружась вокруг Линь Аня. Но тот больше не проявлял мягкости, каждый день встречая его холодным взглядом. Со временем Ци Цзиншэн почувствовал усталость и, видя, что Линь Ань его не жалуется, решил дать ему пару дней тишины, чтобы все обдумать.

Линь Ань, не зная о планах Ци Цзиншэна, обрадовался, что тот перестал приходить вместе с ним обедать, но в глубине души почувствовал пустоту. Без человека, который постоянно заботился о нем, Линь Ань ощутил непривычное одиночество. Даже самая изысканная еда в одиночестве не приносила радости.

Линь Ань взял палочками кусок еды, но едва поднес ко рту, как услышал голос Системы Сяо Бая:

— Хозяин, в этой еде обнаружены следы того же яда, что и в вашем организме.

Линь Ань слегка замер, затем невозмутимо отправил палочки в рот, но в его глазах блеснул холод. Как только император ушел, она тут же перешла к действиям.

Когда Линь Ань только прибыл сюда, он попросил Сяо Бая проверить свое состояние и обнаружил хронический яд. Он был без цвета и запаха, растворялся в воде и был незаметен. При длительном употреблении в малых дозах он вызывал слабость, не проявляясь другими симптомами, пока человек не умирал.

Хозяйкой этого яда, конечно, была Цзи Чэньси. Оригинальный владелец тела принимал его еще до прихода Линь Аня. В магазине Системы было противоядие, но Линь Ань не спешил лечиться — он ждал шанса окончательно покончить с Цзи Чэньси. Теперь, когда она сама дала ему этот шанс, он был только рад. Правда, придется снова использовать того мужчину. Эх, ради выполнения задания и поиска возлюбленного — прости меня.

Император, который ломал голову, как задобрить жену, даже не подозревал, что его супруг планирует то, от чего он потом будет мучиться всю жизнь.

Ци Цзиншэн два дня ломал голову и в конце концов пришел к выводу, что причина в родителях Мо-эра. Наверняка у него остался осадок из-за их истории, поэтому он так холоден. Если он

достойно устроит их жизнь, не станет ли Мо-эр счастливее? Император, который глупел при мысли о возлюбленном, был уверен в своей правоте и в отличном настроении отправился к Мо-эру.

Как обычно, взяв с собой только Линь Аня, он пришел во дворец Юньхуа и обнаружил, что сейчас время обеда. Он зашел в покои и увидел на столе остатки еды. Мо-эр в нежно-белом халате, с распущенными волосами, полулежал на кушетке, смакуя пирожное. Его тонкие пальцы, белые как нефрит, удерживали лакомство, а алые губы, испачканные белой крошкой, были нежно облизнуты языком — от этого зрелища у Ци Цзиншэна пересохло в горле.

У Мо-эра сегодня, похоже, хорошее настроение: при виде его он не нахмурился, а на губах играла легкая улыбка. Ци Цзиншэн, помня, что Мо-эр не особо любит сладкое, с любопытством спросил:

— Мо-эр, что ты ешь?

— Пирожное с османтусом, — нежно ответил тот, неожиданно ответив ему. — Вкусное, хочешь попробовать?

Он взял кусочек и поднес к его губам.

Ци Цзиншэн обрадовался — такое внимание было редкостью. Он поспешно проглотил лакомство, заодно легонько прикусив его нежный палец. Спohватившись, он с опаской посмотрел на него, но Мо-эр не рассердился, а в его глазах даже светилась улыбка. Осмелев, он потянулся к тонкой талии и притянул его к себе — тот не сопротивлялся. Ци Цзиншэн с наслаждением вдохнул холодный аромат его волос и задал вопрос, мучивший его с самого порога:

— Что-то случилось? Почему ты в таком хорошем настроении?

— Ничего особенного, просто кое-что скоро завершится, — красавец слегка пошевелился, устраиваясь поудобнее.

— Что именно? Расскажешь?

— Это... — голос внезапно оборвался. Ци Цзиншэн в недоумении опустил голову и увидел сцену, которую не забудет никогда.

Алая кровь текла из приоткрытого рта, расцветая красными сливами на белоснежном халате.

— Мо... Мо-эр... — Ци Цзиншэн дрожащими руками пытался стереть ненавистную кровь, но она не кончалась. Человек в его руках открыл рот, словно хотел что-то сказать, но из него хлынуло еще больше крови. Густые ресницы дрогнули, прекрасные глаза начали тускнеть и наконец безвольно закрылись. В этот момент Ци Цзиншэн ощутил небывалый ужас.

— Нет, не надо! Мо-эр... Лекарь! Скорее лекаря!

Увидев, как главный евнух Линь в спешке направляется к Императорской лечебнице, лекарь Ван сразу понял — что-то случилось во дворце Юньхуа. Так и вышло: евнух схватил его и потащил за собой, приговаривая, что дело плохо. Бедному старику Ваню пришлось бежать изо всех сил.

По прибытии во дворец Юньхуа он сразу почувствовал неладное: во всем дворце царила мертвая тишина, слуги не смели даже дышать. Лекарь Ван, не теряя времени, вошел в покои. Едва переступив порог, он почувствовал запах крови. Подойдя ближе, он увидел, что Хуангуйфэй смертельно бледен, губы посинели, а одежда была в пятнах крови — явные признаки отравления. Император сидел на краю кровати, спина его была прямой как струна, а лицо — пугающе спокойным, но от этого он казался невероятно хрупким, словно одно неверное слово могло сломать его навсегда.

<http://bllate.org/book/22150/2307489>